ганов управления акционерных обществ с государственным участием, повышении качества обратной связи на жалобы в отношении коррупции, обеспечении порядка публичного обсуждения всех нормативных актов по вопросам государственного регулирования экономической и инвестиционной деятельности с предпринимательским сообществом [7].

Поставленные задачи в основном выполнены, однако темпы и эффективность их исполнения не являются безупречными. Так, например, только начата работа по введению экспертизы действующих и проектно-нормативных актов, которые касаются необоснованных барьеров для бизнеса, по снижению затрат госкорпораций на собственные закупки не менее, чем на 10% в течение трех лет. Не выполнены в полном объеме поручения, касающиеся внесения изменений в законодательство по борьбе с коррупцией.

Незамедлительного решения требуют вопросы таможенного администрирования, тарифы естественных монополий, определение на долгосрочную перспективу позиций по базовым ставкам налогов и страховых платежей, развитие финансового рынка и промышленная безопасность. Не снижается актуальность развития национального фондового и финансового рынка, увеличения ликвидности фондового рынка, стимулирования российских компаний к возвращению из зон особой благоприятности путем создания соответствующих условий в России. Большой проблемой остается подключение к электрическим сетям и размер платы за подключение и их использование. Безусловная и всеобъемлющая информатизация всех услуг, всех процедур, с которыми сталкивается бизнес, стоит в том же ряду.

Тем не менее принят закон, предусматривающий либерализацию контроля за иностранными инвестициями, пересмотрена оценка эффективности работы Федерального инвестиционного полномочного. Произошло объединение бирж, что позволило российской бирже войти в топ-10 бирж в соответствии с рейтингами, начал работу фонд прямых инвестиций. Принятый закон о центральном депозитарии предусматривает более строгий и качественный порядок учета ценных бумаг и контроля за их обращением.

В 2011 г. заработал инструмент оценки регулирующего воздействия (ОРВ), с помощью которого представители бизнеса могут высказаться по проектам законодательства в части инвестиций. С момента внедрения этого механизма на сайте Минэкономразвития России в регламентированном режиме получены оценки по 543 актам, и 182 из них получили отрицательные заключения, что потребовало их переработки и доработки [8].

В контексте улучшения инвестиционного климата приняты важные решения в части налогового стимулирования по налогу на прибыль (в том числе полному освобождению) в сфере образования и здравоохранения, по акциям, находящимся в собственности не менее пяти лет. Кроме того, приняты законы в части либерализации уголовного законодательства в отношении ответственности за экономические нарушения.

Однако, на наш взгляд, ожидать резкой активности в притоке иностранного капитала в Россию в ближайшие пять лет нет оснований. В современных условиях залогом развития российской экономики может стать модернизация на внутреннем инвестиционном рынке, и только после успешной реализации программ, рассчитанных на внутренних инвесторов, можно апеллировать к иностранным партнерам за инвестициями для масштабных инновационных преобразований.

**Литература**


1. Goldman Sachs – BRICs. URL: http://www2.goldmansachs.com/our-thinking/#/index.html.
2. *Трофимова Е.* Главная российская беда – всеобщая шизофрения. URL: http://www.utro.ru/articles/2005/06/23/451510.shtml. Найдено по ссылке: http://kadry.viperson.ru/wind.php?ID=495640&soch=1
3. Доклад о мировом развитии 2005. Как сделать инвестиционный климат благоприятным для всех. Пер. с англ. М.: Весь мир, 2005.
4. URL: http://ria.ru/analytics/20120118/542692362.html
5. *Байгускаров Ч.У.* Влияние политических факторов на инвестиционный климат в России: теоретико-методологические аспекты // Актуальные проблемы политологии. М.: МАКС Пресс, 2001.
6. *Нечаев А.* Как улучшить инвестиционный климат России. URL: http://qwas.ru/russia/sps/id_62639/
7. Перечень поручений по осуществлению первоочередных мер, направленных на улучшение условий инвестиционного климата в России. URL: http://kremlin.ru/assignments/10807
8. О ходе реализации мер по улучшению инвестиционного климата в Российской Федерации. URL: http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d3c7a9c80e76ee8521.pdf


# КОММУНИКАТИВНЫЙ РЕЖИМ КАК ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

**Анна ЗЛОЧЕВСКАЯ**
**аспирантка факультета мировой политики МГУ им. М.В.Ломоносова**

Одним из активно развивающихся направлений современной политической науки являются исследования политического дискурса. Под политическим дискурсом, как правило, понимается «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [1]. Существуют и другие определения этого понятия.

Предметная направленность исследований политического дискурса многообразна, а их методология допускает различные подходы. Первоначально в исследованиях дискурса преобладали лингвистические методы, но по мере осознания важности коммуникации в политике, в том числе в сфере международных отношений, в исследованиях дискурса все более важное место стал занимать анализ дискурса в широком социокультурном контексте как социально обусловленной системы речи [2].

В сущности, всякая речь, будучи средством общения с другими членами общества, имеет политическое измерение, является в той или иной мере политически нагруженной, язык представляет собой важнейший фактор «для установления политического подавления, экономической и социальной дискриминации» [3]. Однако, как отмечает Демьянков В.З., «описание политического дискурса в чисто лингвистических терминах

<…> неадекватно предмету: необходим более общий понятийный аппарат» [4].

Качество политического дискурса определяется тем, насколько он соответствует своему общественному предназначению – внушить адресатам необходимость «политически правильных» действий и/или оценок. Иначе говоря, цель политического дискурса – не описать, а убедить, вызвать у адресата намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию. Политический дискурс, хотя и может быть выражен в виде текста, однако не ограничивается рамками собственно текста, а включает также социальный контекст коммуникации, характеризующий ее участников, процессы продуцирования и восприятия речи с учетом фоновых знаний, поэтому «анализ дискурса – это прежде всего анализ текста, но текста, "погруженного в реальность"» [5].

В числе отличительных особенностей политического дискурса исследователи отмечают полемичность, агональность, что предполагает изучение его, в том числе, в аспекте его ролевой структуры как особой формы коммуникативного взаимодействия между политическими акторами.

Наряду с этим представляется необходимым ввести и определить понятие коммуникативного режима, которое призвано отразить типологические характеристики политического дискурса, существенно важные для его анализа. Рассматривая политический дискурс как коммуникативное взаимодействие между контрагентами, характеризующимися ролевой определенностью, мы не можем избежать вопроса о том, чем предопределено то или иное распределение ролей в структуре этого коммуникативного взаимодействия. Под коммуникативным режимом мы будем понимать совокупность условий политической коммуникации, которая, в свою очередь, предопределяется как конкретными целями и задачами коммуникации, так и особенностями политической культуры народа, задающими традиционно закрепленные, относительно устойчивые способы и формы решения этих коммуникативных задач, которые вырабатываются во многом под влиянием наиболее распространенных, излюбленных у данного народа способов получения социально значимой информации, выступающих, таким образом, в роли коммуникативных парадигм.

Например, для французской политической культуры характерна ориентация политического дискурса на коммуникативную парадигму публичного зрелища – театра или городского празднества. Яркая театральность, свойственная ораторскому стилю выдающихся французских политиков, отмечается многими исследователями. Т.А. Черноверская, анализируя ораторский стиль одного из лидеров Великой французской революции Антуана Сен-Жюста, озаглавила свою статью цитатой из Шарля де Сент-Бёва: «Jeun Homme atroce et teatral», что можно перевести двояко: «Молодой человек жестокий и театральный» и «Молодой человек отвратительный и напыщенный». Архетипический для французской политической культуры образ Сен-Жюста «и в самом деле отличает ярко выраженная театральность, отмечаемая многими мемуаристами отчетливая ориентированность на публику – причем далеко не только в манере его публичных выступлений, но и, скажем, в стиле приказов по Рейнской армии осенью 1793 года» [6].

Театрализованное уличное действо глубоко коренится в культуре Франции, в традиции народных праздников. Это хорошо понимали интеллектуалы и знали, как использовать пристрастия народа в политических целях: «Вы хотите сделать народ деятельным и трудолюбивым? Дайте ему празднества, устройте ему развлечения, побуждающего его любить свое занятие, и отнимите у него повод желать другого, более легкого. Руководите его увеселениями» [7]. Культура уличного театрализованного праздничного действа в контексте французской политической культуры неразрывно связана с культурой народного бунта и порождает архетипический коммуникативный режим, характерными чертами которого являются широкое и открытое публичное пространство, массовость аудитории, театральность, доминирование визуального коммуникативного ряда, активное участие аудитории в процессе коммуникации (вплоть до социально деструктивных форм участия).

Напротив, русский бунт никогда не отличался зрелищностью, всегда был и воспринимался как нечто антиэстетическое. Неоднократно предпринимавшиеся в истории России попытки властей привить городскому населению французскую праздничную культуру, в конечном счете так и не возымели успеха. Иначе выглядит и оценка русскими ораторских способностей и стилей политиков. В отличие от Франции в России политик, выступающий в театральной манере, будет воспринят подавляющим большинством аудитории скорее как артист, чем как политик, т. е., лицо, способное принимать взвешенные политические решения и нести ответственность за них. Иными словами, от политика в России не только не требуется актерских способностей, но и считается, что эти способности вряд ли совместимы с талантами политика.

Причина этих различий состоит не в том, что жители России менее одарены, чем жители Франции, а в том, что у россиян, в силу исторически закрепившихся культурных традиций, обмен политически значимой информацией происходит в совсем ином коммуникативном режиме, нежели у французов. А именно, это не режим театра и городского массового представления с характерным для него доминированием визуального ряда, а режим чтения вслух.

Русский народ по праву считался самым начитанным в мире не только в XX в. М.М. Громыко и А.В. Буганов на основании анализа большого числа архивных исторических источников отмечают «существенные свидетельства» о массовом наличии книг в русских крестьянских избах XIX в.: «Из книг больше всего были распространены Псалтирь, Евангелие, Жития святых, Святцы (церковные календари) и молитвенники (молитвословы). В некоторых домах можно было увидеть и Библию» [8].

Традиция домашнего чтения в России восходила к допетровским временам и не только не иссякала на протяжении истории, но и укреплялась благодаря развитию книгопечатания и книготорговли, а также распространению грамотности среди населения. Важно подчеркнуть, что основное место среди книг, читаемых русским народом в дореволюционный период, занимают тексты сакрального характера, не предполагающие критического отношения со стороны аудитории. Также надо отметить и тот факт, что отсутствие всеобщей грамотности у дореволюционного населения России не только не служило препятствием чтению, но породило особую, массово распространенную в народе форму восприятия письменного слова – форму внимательного слушания: долгими зимними вечерами, собравшись в какой-нибудь избе, крестьяне слушали чтение церковных книг, которое поручалось тому, кто умел читать. При этом одну и ту же книгу читали по многу раз. Таким же образом и в церкви происходило выслушивание богослужебных текстов, читаемых священником или диаконом.

Эти распространенные в народе интеллектуальные занятия способствовали формированию и закреплению в национальной культуре соответствующего коммуникативного режима – коллективного чтения вслух серьезных, в том числе сакральных, текстов. Этот режим предполагает такое распределение ролей участников, при котором выделяется, с одной стороны, транслятор (чтец), с другой стороны, слушатели. Особо надо подчеркнуть, что данный коммуникативный режим не предполагает активного диалога между транслятором и слушателями текста: от слушателей требуется терпеливое и молчаливое внимание, их задача состоит не в том, чтобы подавать реплики, поддерживая диалог с чтецом (а тем более с автором читаемого текста), а в том, чтобы как можно лучше понять, запомнить и по возможности осмыслить и усвоить услышанное.

С этих позиций надо оценивать и по-

ведение современной аудитории политического дискурса в России и во Франции. Например, А.Н. Баранов сетует на то, что хотя «у нас уже есть хорошие парламентские ораторы (единицы), но решительно нет квалифицированной парламентской аудитории, которая умела бы слышать в речах ораторов (и хороших, и плохих) не только то, что ей хочется слышать, т. е. могла бы вступать в реальный, а не мифический диалог» [1]. Однако думается, из отсутствия внешних признаков диалога (активного речевого реагирования аудитории политического дискурса) не вытекает со всей непреложностью вывод об отсутствии понимания этого дискурса. Такое понимание вполне может быть результатом внимательного и молчаливого выслушивания и необязательно должно выражаться в активной дискуссии.

Сказанное, между прочим, проливает новый свет на результаты анализа советского политического дискурса, проведенного Патриком Серио. Анализируя два «основополагающих» для эпохи текста – «Отчет ЦК Коммунистической Партии Советского союза XXII съезду КПСС» Н.С. Хрущёва (1961 г.) и «Отчетный доклад ЦК КПСС XXIII съезду Коммунистической Партии Советского Союза» (1966 г.) Л.И. Брежнева, – П. Серио, в частности, приходит к выводу о том, что именно «советский способ оперирования языком» оказал на русский язык особое воздействие, в результате которого возник принципиально новый тип дискурса. При этом дискурс Серио определяет так: «Это первоначально особое использование языка, в данном случае русского, для выражения особой ментальности, в данном случае также особой идеологии; особое использование влечет активизацию некоторых черт языка и в конечном счете особую грамматику и особые правила лексики. И … в результате создает особый “ментальный мир”» [9].

Не отвергая результатов Серио, необходимо внести следующие оговорки. Во-первых, для того чтобы в полной мере оценить «особость» советского дискурса, его нужно сопоставить не с умозрительными представлениями о некоем абстрактном общекультурном и общеевропейском дискурсе, а хотя бы с русским же дореволюционным, представленным в документах того же жанра, что и доклады, которые анализировал Серио, т. е. функционирующими в том же коммуникативном режиме (например, с документами Государственной Думы, Священного Синода и др.). Во-вторых, характеристика политического дискурса должна быть дополнена описанием коммуникативного режима, посредством которого функционирует этот дискурс. Тогда видно, что коммуникативный режим советского политического дискурса, хотя и не идентичен, но имеет некоторые общие черты с вышеописанным характерным для русской языковой культуры дискурсом слушания чтения вслух сакральных текстов. В свое время до революции русские крестьяне, собравшись в избе у грамотного односельчанина или в храме, выслушивали акафисты и каноны, подобно этому и коммунисты, собравшись на заседание партийной ячейки, выслушивали чтение не подлежащих критике, а следовательно, в определенном смысле сакральных, докладов ЦК КПСС.

Наконец, в-третьих, по отношению к выявленным Серио лексико-грамматическим характеристикам советского политического дискурса (выражающимся в явлениях «номинализации» и «сочинения») должен быть поставлен вопрос о том, насколько они в действительности специфичны, если сравнить их с текстами (например, с дореволюционными), функционирующими в том же коммуникативном режиме.

Таким образом, использование понятия коммуникативного режима при анализе политического дискурса позволяет выявить больше значимых характеристик этого дискурса, чем выявляется в ходе анализа, не использующего этого понятия.

**Литература**


1. *Баранов А.Н.* Политический дискурс: прощание с ритуалом? // Человек. 1997. № 6.
2. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. Монография. М.–Волгоград: Перемена, 2000. С. 31.
3. *Miles L.* 1995 – Preface // C. Schaffner, A.L. Wenden eds. Language and peace. Aldershot etc.: Dartmouth, 1995. P. IX.
4. *Демьянков В.З.* Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования: Сб. науч. тр./ РАН ИНИОН. Отв. ред. и сост. Герасимов В.И., Ильин М.В. М., 2002. С. 33.
5. *Ворошилова М.Б.* Креолизованный текст в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. Вып. 3(23). Екатеринбург, 2007. С. 73.
6. *Черноверская Т.А.* «Jeun Homme Atroce et Teatral»: К вопросу о театральной природе политического дискурса Французской революции // XVIII век: театр и кулисы. Сборник научных трудов. М.: Экон-информ. 2006. С.41.
7. *Руссо Ж.-Ж.* Письма к д'Алемберу. Письмо о французской музыке // История эстетики. Т.2. М.: Сов. Россия, 1964. С. 392-408.
8. *Громыко М.М., Буганов А.В.* О воззрениях русского народа. 2-е изд. / Ин-т этнологии и антропологии РАН. М.: Паломник, 2007. С. 162.
9. *Степанов Ю.С.* Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века / РАН Ин-т языкознания РАН. Под ред. акад. Ю.С. Степанова. М., 1995. С. 38-39.


# ОЦЕНКА ИНТЕГРАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ЕДИНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЕВРАЗЭС


**Павел КОСИЦЫН**

**аспирант факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова**


В ноябре 2009 г. руководители Белоруссии, Казахстана и России подписали пакет документов, предусматривающих запуск с 1 января 2010 г. Таможенного союза ЕврАзЭС, а с 1 января 2012 г. страны-участницы перешли к следующему, более высокому этапу интеграции – Единому экономическому пространству (ЕЭП).

В конце 2011 г. странами «тройки» была подписана Декларация о Евразийском союзе, который может появиться после 2015 г. по завершении создания ЕЭП. Проект Евразийского союза (ЕАС) предполагает создание союза независимых государств с единым политическим, экономическим, военным, таможенным, гуманитарным и культурным пространством.

К основополагающим принципам Соглашения о формировании ЕЭП можно отнести следующие.

1. Политический союз не предусматривается.

2. Разработка правовой базы ЕЭП на основе норм и правил ВТО и опыта интегра-